

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.М. Плискевич

с.н.с., Институт экономики РАН, Москва

АРХАИКА ИНСТИТУТОВ И АРХАИКА ПАТЕРНАЛИЗМА: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

Аннотация. Патернализм рассматривается в статье как органическая часть отношений в любом сообществе, отрицается противопоставление патернализма и либерализма. Показано, что и в структурах, построенных на основе либеральных принципов, он занимает органично присущее ему место в современных сложных общественных конструкциях. Такое утверждение опирается на специфические формы коллективизма, характерные для подобных обществ, – коллективизма «снизу». В этом случае инициатива создания самых разных сообществ – от современных сетевых, легко преодолевающих государственные границы в глобализирующемся мире до разного рода бизнес-объединений, а также волонтерских и благотворительных структур — принадлежит обычно или отдельным индивидам, или группам единомышленников. Нередко одной из форм их деятельности является поддержка как людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, так и представителей ряда сфер деятельности, без которых общество не может нормально развиваться, но сама их специфика не предполагает немедленной финансовой отдачи (как, например, фундаментальная наука и большинство видов искусств). В то же время традиционно патернализм связывается с формами государственной опеки, основанными на коллективизме «сверху». Не отрицая важности патерналистских функций государства, все же нельзя не видеть, что при господстве в нем архаичных институциональных форм, к каковым можно отнести утвердившуюся в России систему власти-собственности, и сами формы патернализма в таком обществе не могут преодолеть архаики. Кроме того, сами охранители архаичной институциональной конструкции в качестве важного инструмента поддержания ее устойчивости усиливают и инструменты архаичного патернализма. Но такая позиция ведет к атомизации общества и к уходу в «тень» сообществ, основанных на коллективизме «снизу». А это, в свою очередь, чревато неожиданными социальными всплесками, способными разрушить оберегаемую таким образом архаичную институциональную систему. В целом институциональная эволюция форм патернализма производна от общей институциональной эволюции общества.

Ключевые слова: патернализм, индивидуализм, позитивный индивидуализм, коллективизм «сверху», коллективизм «снизу», власть–собственность, архаика, модернизация «снизу».

Классификация JEL: A13, D7, H1, H4, N4, O1.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10108.

То, что человек – существо общественное, доказательств не требует. Разумеется, есть единичные исключения, связанные с возникшей по тем или иным причинам потребностью в уединении, в добровольном отстранении себя от общества (что было в большей степени фактом художественного анализа такого образа жизни, как, например, в «Уолдене, или Жизни в лесу» Г. Торо), либо обусловленным острым неприятием индивидом господствующих в окружающей его общности политических, религиозных и т.п. порядков. Однако обычно человек бывает вписан в самые разнообразные сообщества – будь то современные сетевые, волонтерские или благотворительные объединения или более традиционные политические, культурные, религиозные организации, разного рода бизнес-сообщества и, наконец, такая форма объединения, как государство.

Сама сложность этих сообществ, разность их роли в жизни объединяющего всех государства предполагает необходимость в совокупности существующих в нем отношений и отношений патернализма. Причем в патерналистской поддержке нуждаются не только отдельные индивиды, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации, но и целые отрасли деятельности, от успешности функционирования которых зависит качество жизни всего общества, перспективы инновационных прорывов в его развитии, хотя сами они и не способны дать сиюминутную финансовую отдачу. То есть патерналистское направление – органичная часть нормально функционирующего общественного организма, реализуемое в форме или государственной, или частной поддержки.

Между тем патерналистский подход в экономических теориях, как правило, противопоставляется теориям либеральной направленности, так как последние делают упор на индивидуальные усилия, развитие самостоятельной инициативы людей, для которых вмешательство «патера» (если речь не идет об особых с ним отношениях или чрезвычайных обстоятельствах) может оказаться тормозом на пути индивидуальной предприимчивости. Думается, однако, подобная абсолютизация противопоставления патернализма и либерализма все же ошибочна. Ведь любой индивид, в том числе активный, изобретательный, креативный, как уже было сказано, живет в обществе со всеми его ограничениями и соответствующими институтами, прежде всего с государством. А потому в той или иной мере пользуется благами, связанными с его общественным *modus vivendi*, а часто считает рациональным воспользоваться ими как раз с целью стимулирования индивидуальной активности.

Поэтому абсолютизация отрицания патерналистских тенденций может быть эквивалентна отрицанию любого «патера» как группового, так и государственного, что при существовании людей в социуме просто невысказимо. Да и классики либерализма отнюдь не были склонны к такой абсолютизации. Так, М. Фридман особо подчеркивал, что либералы – не анархисты, им, в отличие от последних, не свойственно отрицание государства. Правда, приводимый им список сфер, в которых он приветствовал бы государственное вмешательство, достаточно узок, но и в него вписываются элементы, которые могут быть взяты на вооружение сторонниками патернализма: «Государство... выступает в качестве дополнительной силы по отношению к частной благотворительности и семье в деле защиты недееспособных (будь то умалишенные или дети) – такое государство, несомненно, выполняет важные функции» [Фридман, 2006. С. 59–60].

Вместе с тем практика показывает, что в процессе эволюции передовых обществ усложнялись не только все более широко применяемые технологические и производственные практики. Само их развитие требовало постоянного изменения и институциональных, и социокультурных форм, вызывало необходимость их соответствия новым этапам развития производительных сил. Эти изменения не могли не затронуть и господствующих в обществе форм патернализма, приводили к их усложнению, к появлению более тонких его инструментов, равно как и к большей адресности в выборе поддерживаемых групп населения или сфер общественной жизни, а также к расширению круга тех, кто мог бы занять позицию «патера», даже потеснив при этом с традиционных позиций государство.

Новые формы патернализма, с одной стороны, направлены на поддержку тех областей жизни общества, которые выпадают из сферы рыночных предпочтений индивидов, но в то же время без их развития невозможен быстрый прогресс. Сюда, например, можно отнести сферы искусства или фундаментальной науки. Как правило, оказывается, что без общенаучной и культурной базы и в технологических сферах довольно быстро наступает застой, ибо их нормальное развитие зиждется на идеях и открытиях, сделанных в, казалось бы, отвлеченной сфере фундаментальных наук или почерпнутых из сферы искусства образах. Нельзя забывать и того, что современная ориентация в мире высоких технологий и коммуникаций требует носителей человеческого капитала такого уровня, которого

немыслимо достичь без высокой степени образованности и возможности (равно как и внутренней потребности) знакомства с широким спектром достижений литературы и искусства как классического, так и современного. С другой стороны, современные инструменты патерналистского характера и учитывают личные предпочтения индивида, и подталкивают его к выбору в своей поведенческой практике принятия решений, благоприятствующих развитию общества во всем его многообразии. Такие патерналистские инструменты, по сути, способствуют реализации одного из фундаментальных принципов либеральной демократии [Лейпхарт, 1997].

Данная эволюция патернализма происходила не одно десятилетие и вписывалась в общую эволюцию развитых обществ от одного технологического и институционального этапа к другому. А. Рубинштейн продемонстрировал развивающееся во времени в связи с этапами модернизации общества в целом и, соответственно, эволюционирующих рыночных отношений изменения в характере патерналистских подходов, изменяющихся по мере развития и совершенствования не только социально-экономических отношений, но и возрастания роли институтов гражданского общества. Со временем оно вырабатывает рычаги не только непосредственного воздействия на принятие государственных решений, но и создает свои инструменты, позволяющие выявлять сферы, нуждающиеся в помощи и поддержке, и непосредственно оказывать ее [Рубинштейн, 2016]. Справедливым в связи с этим можно признать и замечание Т. Чубаровой, что проблема патернализма вообще и патерналистских тенденций в современной России в частности заключается отнюдь не в оправданности самого патернализма, а в степени удачности, рациональности тех или иных патерналистских практик [Чубарова, 2017].

В то же время как раз практики российского патернализма свидетельствуют, что при наличии в стране, казалось бы, современных институтов, имплантированных из развитых государств, мы постоянно сталкиваемся с явно не соответствующими им формами патерналистской деятельности прежде всего государства. Вместо форм «нового» патернализма, органичных для обществ, построенных на либеральных и демократических принципах, связанных с сотрудничеством государства и гражданского общества и соответствующих потребностям нового, постиндустриального, этапа развития, переходу к информационному обществу, у нас утвердились методы, характерные «для архаичного патернализма, когда даже либеральные идеи, не проходящие сито консорциативного отбора, перерождаются в свою противоположность» [Рубинштейн, 2016. С. 28]. Возникает вопрос: почему это происходит?

Архаика патернализма и институциональная архаика

Думается, причины сложившейся ситуации можно обнаружить в самой истории развития российского, а затем и советского общества – общества с достаточно устойчивой институциональной структурой. Многие ученые (например, Л. Васильев, Р. Нуреев, А. Рунов, Ю. Латов, Ю. Пивоваров) характеризуют ее как систему «власть–собственность»¹. Обществам такого типа (а к ним с разной степенью вариации можно отнести большинство современных государств) присуща основополагающая характеристика. В них отношения собственности находятся в зависимости от того, какое место собственник занимает в системе властно-иерархических отношений.

¹ По сути эта же система рассматривается также как специфическая конструкция, носящая другие названия: раздаточной экономики у О. Бессоновой, X-матрицы у С. Кирдиной, государственно-центричной матрицы у Т. Ворожейкиной, «матрицы Московии» у С. Хедлунда (воспринятой и А. Заостровцевым), системы неократизма у О. Шкаратана. Она вписывается в характеристики и «порядков ограниченного доступа» Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста, и «экстрактивных институтов» Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Д. Робинсона.

Такое подчиненное положение собственника, по сути зависящего от капризов властителя, вплоть до Нового времени было типичным и для тех стран, которые сегодня входят в категорию развитых. К своему новому состоянию они пришли в результате длительной эволюции, постепенно, нередко и небесক্রовно меняя свою институциональную структуру, приводя ее в соответствие с потребностями технического прогресса, который, в свою очередь, получал мощные импульсы развития, опираясь именно на новые социальные институты. Каждая страна проходила этот путь по-своему, опираясь на свои социокультурные традиции. Причем особенно вторая половина XX в. продемонстрировала широкий спектр возможностей движения к становлению работающих новых институтов, присущих современному развитому государству с опорой на самые разные социокультурные основания (см., например: [Harrison, 2013; Харрисон, 2014]).

Ныне мы видим, что в своем эволюционном развитии ряд стран и конфуцианской, и иудейской, и католической, и православной культуры, используя возможности, открывающиеся с глобализацией мировой экономики, догнали (или догоняют) страны традиционного господства протестантской культуры. Правда, отмечая эти изменения, нельзя забывать, что модернизация догоняющих стран, как подчеркивает, например, Л. Харрисон, – весьма сложный процесс. И недопустимо игнорировать культурный компонент как «набор факторов, формирующих развитие» каждого конкретного общества. Но правильная политика, учитывающая особенности конкретной культуры, позволяет «придать ускорение *темпу* прогресса». При этом важно, что отдельно взятый инструмент предложенных к внедрению культурных преобразований «едва ли может изменить общую инерцию культуры. Необходима всесторонняя, скоординированная программа, которая охватывала бы воспитание детей, религию и религиозную реформу, образование и реформу образования, средства массовой информации, реформирование деловой культуры и политическое лидерство, приверженное демократической и капиталистической модели». Такие реформы, по убеждению Харрисона, вполне способны к тому, чтобы общество могло быть преобразовано «во время жизни одного поколения» [Харрисон, 2014. С. 240, 241–242, 267; Harrison, 2013. Рр. 172, 173, 190].

Эти замечания важны в рамках рассматриваемой темы, так как та или иная потребность в патернализме (государственном или групповом) обычно является составляющей частью общекультурного базиса разных стран. Именно поэтому в одних странах он по мере развития общества преобразуется, обретая новые формы, позволяющие с большей точностью выделять сферы, требующие поддержки, расширять спектр общественных и индивидуальных методов спонсорской деятельности. А в других странах консервируются традиционные способы патерналистской поддержки. Причем такая консервация используется и в политических целях держателями ресурсов для воздействия на потенциальных получателей помощи. И такая ситуация становится серьезной социально-экономической проблемой.

Однако, что касается эволюционного развития нашей страны, нельзя не учитывать его особенностей, налагающих на отечественную институциональную культуру свой отпечаток. Как страна «догоняющего развития» она неоднократно стремилась быстро наверстать отставание в той области, которую властители на протяжении веков считали наиболее важной для укрепления государства, – военно-политической. При этом проводимые реформы, крайне болезненные для населения, осуществлялись методами мобилизационных рывков и не сопровождались соответствующими изменениями в институциональной и социокультурной сферах. Это происходило не из-за того (или не только из-за того), что на неподготовленную почву внедряются чуждые институты, а из-за того, что необходимые властным элитам технические и организационные новации *насаждаются методами, привычными для устаревшей системы*.

Такой способ проведения модернизационных преобразований не мог не создавать сильные социальные напряжения. Причем эти напряжения, как правило, обусловлен-

ные инструментальными изменениями, проводимыми с опорой на традиционалистскую институциональную среду, достаточно тяжело сказываются на последней, накладывая на нее своего рода институциональные «рубцы». И эти «рубцы» как отпечаток модернизационных попыток прошлого нередко через десятилетия и даже столетия создают проблемы, гораздо более серьезные, чем те, с которыми в свое время сталкивались развитые страны, прошедшие свой эволюционный путь (см.: [Плискевич, 2016]).

Именно наличие таких институциональных «рубцов» и связанных с ними искажений во всей сфере социально-экономической жизни общества ведет к тому, что государство, стремясь удержать эту искаженную, а потому и не очень устойчивую институциональную конструкцию, пытается взять под свой контроль и те сферы жизни общества и отдельных граждан, которые в этом, по сути своей, не нуждались. В то же время и для общества институт государства обретает в такой ситуации особую ценность как опора всего его обустройства, удерживающая его от разрушительных кризисов. Государство же в такой ситуации, опасаясь накопившихся социальных напряжений, стремится не к развитию новых форм самоорганизации, а к укреплению институциональной архаики, боится выпустить из-под своего непосредственного контроля любые формы низовой активности.

Именно поэтому анализирующий данную систему О. Шкаратан назвал ее этакратизмом, а сложившуюся в результате преобразований последних десятилетий – неоэтакратизмом. Он подчеркивает, что неоэтакратизм образует «основу социально-экономического порядка всех стран, принадлежащих к евразийской цивилизации, причем стран с весьма несхожим уровнем развития, механизмом хозяйствования, специфической социально-политической системой». Эти общества различаются «степенью огосударствления собственности и уровнем концентрации хозяйственной власти, мерой открытости по отношению к внешнему миру, и ролью правящей элиты, и степенью авторитаризма, и масштабами влияния репрессивных органов. Но во всех этих обществах мы наблюдаем чрезмерную власть государственного аппарата управления. Речь при этом идет о бюрократии особого типа, сосредоточившей в своих руках как политическую, так и экономическую власть» [Шкаратан, Ястребов, 2016. С. 96 – 97]. К сказанному, возможно, важно было бы добавить замечание Р. Нуреева и Ю. Латова, что государство «претендует на роль главного (или даже единственного) руководителя институто-строительством в постсоветской России, оставаясь главным участником воспроизводства институтов власти-собственности» [Латов, Нуреев, 2017. С. 43].

Индивидуализм – коллективизм – патернализм

Признавая важнейшую роль государства во всей институциональной конструкции России (как в прошлом, так и в дне сегодняшнем), нельзя не обратить внимания на одну особенность концепций, трактующих эту систему. Она представляется как естественное следствие коллективизма самого общества, тем и отличающегося от западных обществ, в основе построения институтов которых лежат принципы индивидуализма. Однако, думается, что само противопоставление понятий «индивидуализм» и «коллективизм» при всей его привычности вряд ли можно признать убедительным. Ведь в реальности, как уже было отмечено, любой индивид, даже придерживающийся либертарианских взглядов, не может не входить в тот или иной контакт с окружающими, создавать разного рода содружества для решения тех или иных задач. Это могут быть и фирмы, и крупные компании, и разнообразные сетевые сообщества, и некоммерческие организации, и волонтерские объединения, и многое другое. То есть само противопоставление индивидуализма и коллективизма в ситуации объединения людей в некое сообщество ошибочно.

При этом, признавая неизбежность соприкосновения индивида с обществом, связанные с вступлением в некие отношения конкуренции или сотрудничества, и анализируя их, принципиально важно выяснить, *как строятся эти отношения*. Именно это «как» и лежит в основе тех разграничений, которые составляют базу противопоставления частнособственническо-рыночной и демократической системы системе «власти-собственности».

История свидетельствует, что множество видов коллективистских отношений строятся как «снизу», исходя из конкретных потребностей людей, их создающих, так и «сверху», когда институты, скрепляющие сообщество, создаются и контролируются или неким местным кланом, локальным властителем, или государством. Издревле они являлись основными защитниками от внешних угроз. И в этих условиях естественным было построение коллективистских отношений, основанных на подчинении требованиям основного защитника – «патера». Господствовала система коллективизма «сверху» как основа существования руководимого «патером» сообщества. Специфика же исторического развития европейских стран заключалась в том, что там, помимо скрепляющей общество государственной власти, очень рано начали развиваться и укрепляться формы коллективной организации «снизу», прежде всего в городах. И обе эти формы нашли способы и средства длительного сосуществования, что и породило впоследствии ту специфику западноевропейской цивилизации, которая привела ее к успеху.

Это сочетание коллективизма «сверху» и «снизу» в повседневной деятельности людей формировало у них определенную мотивацию поведения, которая «выполняет роль посредника между средой и поведением, будь то рациональное, подражательное или привычное поведение» [Грейф, 2015. С. 33]. В работе, посвященной анализу того, как в ходе исторического процесса складывалось то или иное сочетание институтов, основывающихся на различных сочетаниях двух видов коллективизма (причем с привлечением сравнительного анализа институтов европейского Средневековья и мусульманского мира), А. Грейф исходит из того, что «мы должны знать, почему некоторые поведенческие правила, возникающие внутри или за пределами государства, выполняются, тогда как другие игнорируются, а это невозможно в рамках анализа, считающего мотивацию экзогенной». Он приходит к выводу, что развитие, «ориентированное на государство, и развитие, ориентированное на сообщество, сталкивается с... проблемой создания соответствующих стимулов для правительств, политиков, агентов государства и представителей сообществ. В отсутствие институтов, дающих мотивацию принимать меры, укрепляющие благосостояние, и проводить политику, направленную на поддержку институционального изменения, развитие тормозится» [Грейф, 2015. С. 33–34, 452].

Разнообразие мотиваций в процессе становления западноевропейских порядков, упорство заинтересованных акторов в отстаивании своего права на создание различных форм коллективизма «снизу» не позволило верховным властителям подчинить все течение общественной жизни идущему от них коллективизму «сверху». Нельзя сказать, что в России формы самоорганизации «снизу» не существовали: вспомним хотя бы порядки Пскова и Новгорода. Но они были задавлены государственно-чиновническими структурами, выстраиваемыми «сверху». Правда, в условиях смуты или крайней опасности низовые формы самоорганизации нередко спасали страну, или государство «вспоминало» о них, чтобы активизировать низовую активность (среди таких примеров история выхода страны из смуты начала XVII в. или всплеск низовой активности во время нашествия Наполеона в 1812 г.). Однако после того, как опасность бывала ликвидирована, пропадала и нужда в таких самоорганизованных образованиях. Другие же формы низовой самоорганизации (типа общин или купеческих гильдий) были встроены в общую государственную систему, контролируемую «сверху», и выполняли те или иные функции по ее обслуживанию.

Это присущее российской традиции преувеличенное по сравнению с другими странами значение государства как генератора общественных связей (по определению – верти-

кальных), которое в советский период стало просто всеобъемлющим, бесспорно, наложило свой отпечаток на все отечественные институциональные конструкции. В 2000-е годы, как годы нового возрождения системы «власти-собственности», государство стало энергично отвоевывать те позиции, которые сдало в 1990-е.

Между тем гипертрофия государственного коллективизма «сверху» подминает саму возможность налаживания и развития неконтролируемых связей «снизу». В результате стали насаждаться привычные по советским временам вертикальные связи «сверху», а нежелательные связи «снизу» (как и в советские времена) или преследовались, или уходили в «тень», хотя многие из них также по сути контролировались «сверху». Такая политика приветствовалась большинством населения и как привычная, и по той психологической причине, что государство, принимая на себя все больше обязательств, теоретически должно было вместе с тем принимать на себя и ответственность за те или иные жизненные ситуации, которые оно обещало контролировать. А возможность снять с себя ответственность всегда комфортна, даже в условиях высокоразвитого общества.

Но такая политика вместе с тем особо ярко выявила, что, с одной стороны, в противопоставлении европейского и российского вариантов развития точнее было бы рассматривать не противопоставление «индивидуализм – коллективизм», а «индивидуализм – патернализм». В этом противопоставлении коллективизм оказывается присущ обоим его полюсам, однако в разных своих формах и пропорциях.

К полюсу «патернализма» тяготеют его традиционные формы, связанные с коллективизмом «сверху», направленные прежде всего на то, чтобы оказываемая им поддержка способствовала бы в первую очередь укреплению его самого, служила бы усилению тех институциональных конструкций, на которые он опирался. И чем слабее становятся эти конструкции в ходе модернизационного развития, связанного с имплантацией институциональных элементов более развитых обществ (пусть и переработанных в ходе «скрещивания» с традиционными элементами), тем сильнее желание государства – верховного «патера» взять под свой контроль максимально возможную сферу общественных связей. При этом приоритетом (в прямом или косвенном смысле) становятся интересы государства, точнее – та их трактовка, которая устраивает властную элиту. Подлинные же интересы и предпочтения патронируемых в той или иной степени игнорируются. Предполагается, что чем шире такой контроль, тем устойчивее положение государства, точнее – бюрократии, исполняющей властные функции.

Если же это происходит в процессе очередной попытки модернизационных преобразований, то часто на позициях таких «элит» (скорее – квазиэлит) оказываются так называемые «промежуточные выгодоприобретатели» [Hellman, 1998]. И. Бусыгина и М. Филиппов отмечают по этому поводу, что многих из таких «ранних выгодоприобретателей» «весьма устраивает ситуация половинчатых реформ, поскольку именно она позволяет им удерживать свои позиции и получать разные виды ренты как от государства, так и от общества. Представители группы, выигрывающей от половинчатого характера реформ, будут стремиться к сохранению сложившейся ситуации до тех пор, пока она не перестанет приносить им выгоду» [Бусыгина, Филиппов, 2012. С. 39]. В такой ситуации, к тому же осложненной крайне низкими этическими стандартами значительной части отечественной бюрократии (см. об этом, в частности, [Оболонский, 2016]), совершенно естественна потеря доверия «низов» к государственным инициативам, их желание обойти выстраиваемые государством схемы легального хозяйствования и уйти в «тень».

При этом оборотной стороной такой политики именно для государства является то, что оно, сосредоточивая на себе и те связи, которые вполне могли бы быть организованы людьми «снизу», тем самым освобождает их от ответственности за результаты этих заблокированных связей. И чем шире государство распространяет свои инструменты регулирования, тем больше вторгается в организацию повседневной жизни людей. При

этом побочным результатом такой политики становится атомизация общества. Все чаще сегодня высказываются сомнения в том, что современное российское общество – коллективистское. Так, Г. Юдин пишет: «Наша проблема в том, что в России господствует агрессивный индивидуализм, который подпитывается страхом и превращается в жесткую конструкцию, тотальное взаимное недоверие и вражду» [Юдин, 2018]. А по мнению А. Ильина, «сегодняшнее российское общество можно назвать деполитизированным и чрезмерно атомизированным» [Ильин, 2015]. Напомню также, что еще в 1990-е годы Г. Дилигенский отмечал такое качество вышедшего из советской системы человека, как агрессивный адаптационный индивидуализм. Он мало похож на западный, ибо «не ориентирован на свободную деятельность индивида, сочетается с социальной пассивностью во имя групповых интересов» [Дилигенский, 1997. С. 277].

Таким образом, государство, непомерно расширяя в целях самосохранения патерналистские отношения, контролируемые «сверху», не только одновременно заглушает стимулы к индивидуальной инициативе, на которые в современном обществе опираются и технологические, и научные, и социальные, и культурные инновации. Его политика ведет и к атомизации общества, размыванию того традиционалистского коллективистского фундамента, на котором выстроены его собственные конструкции.

В то же время в противопоставлении «индивидуализм – патернализм» и первая часть (если абстрагироваться от тех тенденций атомизации, которые являются, по сути, ответом на действия государства по максимальному контролю над общественной жизнью), будучи включенной в общественные отношения, не может не иметь в себе и коллективистского начала. Только здесь мы имеем тот самый коллективизм «снизу», который связан с созданием возможностей для каждого индивида по созданию тех или иных сетевых сообществ, разного рода ассоциаций и т.п. для решения в экономической, социальной, политической, экологической, культурной и других сферах жизни проблем. На этой базе формируются современные институты гражданского общества, одной из функций которого становится как развитие неподконтрольных государству форм патернализма, так и создание институтов общественного контроля над теми его формами, которыми традиционно ведает государство.

По сути, об этом же пишет К. Вельцель, анализируя термин «позитивного индивидуализма» и выделяя в нем не только эгоистические, негативные, антисоциальные ориентации, но и позитивные, просоциальные. Последние связаны для него с «тремя представлениями гражданственности: благожелательностью, или неэгоистичностью, доверием и гуманизмом». «На индивидуальном уровне, – отмечает он, – мы видим, что эмансипативные ценности обладают значимыми гражданскими импульсами, но эти импульсы остаются слабыми, если не получают социального подтверждения, как это происходит в обществах, где эмансипативные ценности мало распространены. Гражданские импульсы, содержащиеся в этих ценностях, – это реципрокное благо: чтобы они реализовались, им необходима поддержка, широкое признание эмансипативных идеалов в обществе. Эмансипативные ценности тесно связаны с индивидуализмом с просоциальными ориентациями». В то же время Вельцель отмечает: «Распространению гражданственных ориентаций (связанных с позитивным индивидуализмом – Н.П.) в наибольшей степени препятствуют архаичные инстинкты внутригруппового фаворитизма и дискриминации аутсайдеров, принадлежащих к внешним группам» [Вельцель, 2017. С. 211, 229, 209].

Если мы теперь вернемся к предложенной А.Рубинштейном картине эволюции форм патернализма в развитых обществах, то увидим развитие этих форм, все более отклоняющееся от принципов архаичного патернализма как выражения «отцовской заботы государства о гражданах» и переключающегося на те его принципы, которые вытекают из развития коллективизма «снизу». Это позволило вывести теоретическое утверждение, что «патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и простран-

стве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую ярко выраженную либеральную направленность» [Рубинштейн, 2016. С. 28].

Однако представляется, что к данному теоретическому выводу, вполне справедливому для ситуации стран, перешедших к стадии постиндустриального, инновационного общества, необходимо сделать одно уточнение. Институциональная эволюция форм патернализма является производной от общей институциональной эволюции общества. И если общество в целом еще не созрело для перехода к новым институциональным формам – к порядкам открытого доступа по Д. Нортю, Д. Уоллису и Б. Вайнгасту или инклюзивным институтам по Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Д. Робинсону, то трудно ожидать появления в нем новых форм патернализма, не искаженных влиянием основной архаичной конструкции. И если представить эволюцию этих форм на шкале «индивидуализм – патернализм», то можно выявить тенденцию ослабления по мере развития общества и в связи с обострением в нем потребности в развитии личной инициативы, особенно связанной с современными технологическими и социальными инновациями, жесткости тех форм патернализма, которые обусловлены господством коллективизма «сверху». Эти формы начинают постепенно ослабевать, смещаясь на данной шкале к полюсу, обозначенному как «индивидуализм». В то же время со стороны этого полюса также начинают смещаться по направлению к противоположному полюсу те формы патернализма, которые связаны с «позитивным индивидуализмом» по Вельцелю и которые подкреплены коллективизмом «снизу». И чем развитее и здоровее общество, тем ближе должны сходить эти движения навстречу друг другу. В то же время абсолютизация патерналистских методов, основанных на коллективизме «сверху» на одном полюсе, порождает атомизацию общества с его агрессивным адаптационным индивидуализмом на другом, что свидетельствует об архаичности общественных связей, а в современных условиях – и о крайней внутренней неустойчивости такой конструкции.

Ответственность и архаичный патернализм

Это особенно чувствуется в России, где государство стремится укрепить систему власти-собственности, как раз расширяя сферу своего влияния как верховного контролера самых разных сфер общественной жизни, причем в весьма архаичных формах, и препятствуя появлению любых неподконтрольных низовых инициатив, видя в них угрозу сложившимся порядкам. Однако именно такое разрастание архаичных форм патернализма как отражение коллективизма «сверху» (или «вертикали власти») таит в себе угрозу для устойчивости всей конструкции. Беря под прямой или косвенный контроль максимальное количество областей жизни общества и блокируя возможности развития в большинстве из них новых форм, основанных на коллективизме «снизу», государство упускает важный момент. Принявший на себя бремя патерналистской заботы одновременно принимает и груз ответственности за взятых под опеку людей и целые сферы их деятельности.

Российские граждане охотно снимают с себя ответственность за решение своих проблем, передавая ее государству. В то же время они видят, что это государство, хотя и провозгласило себя «социальным», часто не спешит выполнять взятые на себя обязательства. Напротив, стремится «сбросить» часть из них, особенно в связи с сокращением поступления в страну нефтедолларов. Это отражается и в раздвоенности российского общественного сознания. Так, согласно одному из мониторинговых опросов Левада-Центра, на вопрос о том, что респонденты полагают предпочтительным способом оказания поддержки населению, в течение почти 20 лет более 70% придерживались архаично-патерналистских позиций. От 16 до 20% склонялись к более современным вариантам государственного патернализма и лишь 2–4% придерживаются строгих принципов ответственности

человека за собственную судьбу и необходимости самостоятельно решать возникающие у них социальные проблемы. Интересно, что эта цифра существенно меньше тех оценок в 15–20% населения, которое, согласно различным социологическим опросам, успешно вписалось в новую жизнь.

Однако в то же время нельзя не отметить несоответствие этих данных, которые можно рассматривать как пожелания респондентов, отражающие их представления о справедливости, с результатами другого опроса Левада-Центра, фиксирующих уже реалистичные представления о том, как на деле функционирует система государственной социальной защиты населения. Согласно этим данным, также стабильным за все годы наблюдения, более 70% отвечают, что при возникновении каких-то социальных проблем они рассчитывают на собственные силы. Цифра же надеющихся на помощь государства колеблется вокруг 20% [Общественное мнение..., 2017. С. 22].

Это противоречие ярко демонстрирует реалии социальной политики современного российского государства как «патера» и его отношение к категории «ответственность» применительно к своим собственным действиям и предпочтениям. Особую остроту ситуации придает присущая самой структуре системы власти-собственности иерархичность в распределении «бесплатных» услуг. Она вызывает все большее недовольство масс как несправедливая и призванная удовлетворять прежде всего потребности околовластного сословия. Такую двойственность отношения населения по отношению к государству-«патеру» подчеркивает, например, М. Волькенштейн (генеральный директор исследовательской компании Validata), отмечающая, что в «общественном представлении государство должно быть патерналистским», что именно государству люди «хотели бы делегировать и правозащитные и другие гуманитарные функции». При этом она особо подчеркивает наличие в этой сфере исторически закрепленного механизма двоемыслия: «Ожидания, что государство возьмет на себя функции социальной защиты огромны – и примерно такие же, как неверие в то, что оно это сделает» [Волькенштейн, 2018].

Представляется, что именно политика государства оказывается ключевым элементом в формировании качества того патернализма, которое утверждается в идеологических установках общества. Его реальные действия, предпринимаемые с целью поддержки тех или иных видов деятельности социальных групп, формирование условий для увеличения многообразия видов и форм деятельности независимых от него субъектов и экономической, и социальной, и культурной сфер, равно как и создание институтов независимого всестороннего обсуждения и контроля принимаемых самим государством решений в итоге отражаются в том или ином типе патерналистских отношений, которые выделены в работе А. Рубинштейна [Рубинштейн, 2016].

В то же время сложившаяся ситуация все более и более не устраивает российское общество, прежде всего активных его членов. Несмотря на все преграды и даже опасности, начинают развиваться самые разные формы коллективизма «снизу», охватывая не только разнообразные виды благотворительности, волонтерства, но и такие области искусства, как, например, кинематограф, требующие значительных средств. Ныне есть уже немало примеров, когда известные или только начинающие деятели искусств, не желая обращаться к «патеру»-государству либо подконтрольному ему бизнесу, собирают средства на свои проекты с помощью краудфандинга. Рост подобных движений, равно как и рост общего запроса на перемены (см. об этом, в частности, [Белановский, Дмитриев, Никольская, 2019]), позволил даже говорить о возможности модернизации «снизу», опирающейся как раз на формы коллективизма «снизу». Хотя в целом фиксируется, скорее, многоаспектность и разнонаправленность идущих процессов.

Так, В. Магун, отмечая противоречивое взаимодействие модернизационных и контрмодернизационных процессов, в целом констатирует «медленные, но очень устойчивые, направленные изменения», которые «идут в сторону индивидуализма» [Магун, 2018].

То есть накапливается потенциал развития коллективизма «снизу» как альтернативы государственническому коллективизму «сверху». Об этом же говорит и Э. Панеях. По ее мнению, Россия сегодня находится как раз на выходе из эпохи, где государство и его бюрократические структуры были главными поставщиками институтов, прежде всего доверия [Панеях, 2018]. А К. Рогов указывает, что хотя связанные с государством институции «активно продвигают патерналистские установки, этатистские идеологемы и маскулинные ценности, формирующие или поддерживающие блоки социальной архаики», все же «на фоне «замораживания» или архаизации многих социальных институтов» все яснее звучит в России дискуссия о «низовой модернизации» [Рогов, 2018].

Правда, Л. Гудков предостерегает от чрезмерных надежд на нее, так как фиксируемые процессы носят все же сегментарный характер. И если особенно в сфере частной экономики ослабли государственно-патерналистские ориентации, растут ответственность за свои обязательства, доверие к партнеру и т.п., то по-прежнему остается под вопросом возможность этих процессов повлиять на трансформацию «больших» институциональных систем. Сам Гудков отвечает на этот вопрос отрицательно: «В нашей повседневности мы имеем дело с амальгамой различных по происхождению и функциям отношений. В этой вертикали сочетаются как архаистские или традиционалистские представления... с самыми современными... Это не подлинный традиционализм поведения или воззрений. Я бы их назвал квазитрадиционалистскими, потому что это не настоящая архаика, не подлинная традиция, а апелляция к воображаемой архаике, современным мифам о традиции, которые уживаются с зонами, в которых действительно человек ответственен». Но только эта «зона индивидуального контроля, ответственности у нас очень узкая» [Гудков, 2018].

В целом приведенные размышления над процессами низовой модернизации и низовой самоорганизации, отражающие как оптимизм одних, так и скепсис других, сходятся в том, что этим процессам противодействует государство, стремящееся монополизировать институциональное строительство в рамках кажущейся ему (точнее – лицам, от имени государства принимающим решения) оптимальной концепции. Не удивительно поэтому разрастание в 2000-е годы потребности масс в патернализме прежде всего со стороны государства. Она вытекает в первую очередь из специфических форм новой институциональной системы «власти-собственности», сложившихся уже в XXI в. Несовременность, а потому и внутреннюю неустойчивость этой конструкции ощущают и создавшие ее власти. Именно поэтому они стремятся укрепить ее, поставив под свой контроль не только те сферы, которые присущи государству по определению и которым, к сожалению, не уделяется достаточного внимания, но и безразмерно расширить сферу его влияния. Важнейшим инструментом достижения такого контроля стали законодательно оформленные методы финансирования видов деятельности, формально остающихся прямо не зависимыми от государства. Тут можно вспомнить и бизнес, успех которого во многом связан с выстраиванием «отношений» с государственными органами, и проблемы огромного сектора экономики, нацеленного прежде всего на удовлетворение потребностей тех или иных наших сограждан, – НКО.

Люди, работающие в разного рода НКО, с одной стороны, в наибольшей степени относятся к тем нашим согражданам, которые, убедившись в неспособности государства (или недостаточности его усилий) решить самые разные жизненные проблемы людей, формируют страту, в наименьшей степени рассчитывающую на патерналистскую государственную помощь. Но с другой стороны, реалии повседневной жизни, подкрепленные принятыми в последнее время законами, ограничивают возможности их деятельности. Финансирование НКО теперь или непосредственно зависит от государства, или требует получения от него «благословения». Это вынуждает в современных российских условиях принимать неизбежность зависимости от государства-«патера», признавать победу патернализма, причем в архаичных его формах, блокирующих или ограничивающих инициа-

тивы «снизу». Тем более, что, хотя закон и не фиксирует это, но реальная правоприменительная практика свидетельствует: над любым НКО, даже крайне далеким от политики, но получающим (или даже когда-то получавшим) зарубежный грант, в случае какого-либо «ослушания» по отношению даже не к государству, а к каким-то местным чиновникам висит угроза быть объявленным «иностранным агентом». А это *de facto* в большинстве случаев означает прекращение его деятельности. Такие ситуации уже не раз были, например, с экологическими организациями.

Однако нельзя не видеть и того, что в данную конструкцию встроен один момент, расшатывающий всю систему изнутри. Государство, прямо или косвенно сосредоточив в своих руках большинство средств для реализации разных видов некоммерческой деятельности – от социальной до культурной, – тем самым принимает на себя ответственность за их достаточное финансирование. Но, приняв на себя такую ответственность, оно, как правило, не способно удовлетворить все взятые под свой патронат потребности, а этого требуют от него патерналистски настроенное население: ведь с него формально снята ответственность за решение взятых под патронат проблем (см. также [Плискевич, 2018]).

В результате *de facto* начинают выстраиваться приоритеты финансирования различных нужд государства. На первом месте обычно оказываются «оборона и безопасность», что соответствует существующей концепции национальной безопасности страны, где приоритеты выстроены в следующем порядке: «государство – общество – человек»². На остальные нужды – здравоохранение, и образование, и науку, и культуру, и другие необходимые для современного человека сферы, которые человек при современном уровне зарплат или не может оплатить, или оплачивает с большим трудом, – средств выделяется крайне недостаточно. Как в советское, так и в постсоветское время финансирование этих сфер идет по остаточному принципу.

Такая ситуация, с одной стороны, стимулирует людей к поискам дополнительных средств для решения своих проблем. Однако в условиях почти тотального контроля со стороны государства за легальными финансовыми потоками и провозглашения его основным легальным «патером», в большинстве сфер жизни общества, официально взявшим на себя эту ответственность, не происходит ослабления патерналистских настроений архаичного типа. При этом развивается теневая активность населения на самых разных уровнях – от индивидуального до корпоративного. Вывод же части обращающихся в стране средств в сферу теневого оборота увеличивает проблемы государства по сбору налогов, необходимых для финансирования взятых на себя обязательств. В результате рушится доверие и населения к «патеру», пренебрегающему своей ответственностью за поддержание жизненно важных для людей сфер, и «патера» к населению, в котором он усматривает четкие тенденции к уклонению от своих обязательств по уплате необходимых казне средств.

А. Городецкий и А. Рубинштейн полагают, что современные задачи страны в свете концепции социального либерализма и теории опекаемых благ – «создание сильных институтов гражданского общества и сбалансированной системы государственного управления» [Городецкий, Рубинштейн, 2017. С. 34]. По сути, это требует кардинального пересмотра как государством-«патером», так и гражданами всей системы их ответственности. Как отмечает В. Полтерович, повышение ответственности общества за неблагоприятные случаи, жертвой которых может стать любой гражданин, ознаменовала бы «начальный

² Интересно, что в январе 1990 г. академик Ю. Рыжов, будучи народным депутатом СССР, председателем Комитета Верховного Совета СССР по науке, образованию, культуре и воспитанию, на заседании Президиума Верховного Совета СССР предложил иную концепцию национальной безопасности, на первое место ставящую безопасность человека, из которой уже вырастали безопасность и общества, и государства. Это предложение поддержал М. Горбачев – тогда еще Председатель Президиума Верховного Совета СССР, но уже начавший подготовку к избранию Президентом СССР. Была создана комиссия по разработке концепции. Однако она смогла проработать чуть более двух месяцев, а затем была распущена, так и не завершив свою работу.

этап перехода к новому пониманию роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами» [Полтерович, 2018. С. 90].

По сути, такая линия поведения государства означала бы и его отказ от монополии на тот вид коллективизма «сверху», который господствует в системе «власти–собственности», и поддержку им (или хотя бы не препятствование) формирования структур, воплощающих принципы коллективизма «снизу». При этом важно подчеркнуть, что переход к такой попытке невозможен без качественного повышения уровня доверия в обществе на всех уровнях его социально-экономической структуры, а также между ними. Ведь доверие – важнейший элемент здоровья рыночных отношений. Поэтому Полтерович особо подчеркивает, что решающую роль в успешности процессов позитивного развития общества на пути к «позитивному сотрудничеству», т.е. формированию институтов, опирающихся на коллективизм «снизу», «играет эволюция морали и гражданской культуры» [Полтерович, 2018. С. 93].

При всем отрицании методов архаичного патернализма и переходе к его более современным формам, опирающимся на встроенный контроль гражданского общества над всеми стадиями разработки, принятия и реализации решений, предлагаемого властными структурами в сочетании со встречным движением низовых инициатив и их реализации органами власти, нельзя не признать, что путь такого перехода и труден, и достаточно длителен. Его должны пройти не только повышающие свое мастерство активисты гражданского общества и просто граждане, но и те, кто олицетворяет сегодня «патера», прежде всего наиболее дальновидные члены этой коалиции. Вспомним, что Полтерович отмечает: успехи модернизации достигались теми государствами, причем государствами сильными, которые, проводя разнообразные преобразования, смогли «подавить избыточную распределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества» [Полтерович, 2007. С. 283]. Это также означает, что необходимо покончить с монополией коллективизма «сверху», который по сути отождествляется с государственным коллективизмом, с деятельностью под прямым руководством или с одобрения государства-«патера», к поощрению и развитию самых разных форм коллективизма «снизу». Возникающие, несмотря ни на что, то тут, то там благотворительные, волонтерские или просто соседские объединения и движения свидетельствуют о том, что современное российское общество готово к такому переходу. А это значит, что низовые организации начнут постепенно снимать с государства-«патера» часть той ответственности за жизнь общества, которую оно приняло на себя, но из-за непосильного ее объема *de facto* давно уже не выполняет.

Только такой подход открывает возможности демонтажа устаревших институтов, а вместе с тем и естественному преобразованию патернализма в более современные формы – мериторную, асимметричную, консесуальную [Рубинштейн, 2016. С. 26–27]. Ведь патернализм – часть реальности любого сообщества, в котором есть сильные и слабые сферы, отрасли, производящие прибыль, и отрасли, призванные служить накоплению новых знаний и культуры в целом, не дающие прямого дохода, но без которых будущий прогресс немислим.

ЛИТЕРАТУРА

- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Никольская А.В. (2019). Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 5–18.
- Бусыгина И., Филиппов М. (2012). Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ».
- Волькенштейн М. (2018). Разнообразие и приспособленчество. www.inliberty.ru/articl/modern-volkenstein.
- Городецкий А.Е., Рубинштейн А.Я. (2017). Некоторые аспекты экономической теории государства. М.: ИЭ РАН.
- Грейф А. (2015). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Гудков Л. (2018). Разные модернизации. www.inliberty.ru/articl/modern-gudkov.
- Дилигенский Г.Г. (1997). Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии* / Под общей редакцией Т.И. Заславской. М.: МВШСиЭН; Интерцентр. С. 273–279.
- Ильин А.Н. (2015). Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма // *Знание. Понимание. Умение*. №5. www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomization-Consumerism.
- Латов Ю.В., Нуреев Р.М. (2018). Развилки развития российской власти-собственности в «век-волкодав» 1917–2017 гг. // *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь?* СПб.: Леонтьевский центр. С. 28–45.
- Лейпхарт А. (1997). Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс.
- Магун В. (2018). В кругу «личной эффективности». Разгосударствление постсоветского человека. www.inliberty.ru/articl/modern-magun.
- Оболонский А.В. (2016). Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.
- Общественное мнение – 2016. Ежегодник (2017). М.: Левада-Центр.
- Панеях Э. (2018). Отмирание государства. Российское общество между постмодерном и архаикой. www.inliberty.ru/articl/modern-panyakh.
- Плискевич Н.М. (2018). Архаичный патернализм как органическая часть системы «власть-собственность» // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 17–32.
- Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа // *Мир России*. № 2. С. 123–143.
- Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77–102.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Рогов К. (2018). Слоны и киты российской социальности. Работает ли теория модернизации в мире, Китае и России. www.inliberty.ru/articl/modern-rogov.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм и консорциативный патернализм // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–38.
- Фридман М. (2006). Капитализм и свобода. М.: Новое издательство.
- Харрисон Л. (2014). Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Чубарова Т.В. (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 43–54.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (ред.) (2016). Нова ли новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994–2013 гг. М.: Университетская книга.
- Юдин Г. (2018). В России господствует агрессивный индивидуализм. philologist.livjournal.com/10644752.
- Harrison L.E. (2013). Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No 2. Pp. 203–234.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow.

znplis@yandex.ru

ARCHAIC OF INSTITUTES AND ARCHAIC OF PATERNALISM: IS THERE A CONNECTION?

Abstract. Paternalism is considered in this article as an organic part of relations in any community, the opposition between paternalism and liberalism is denied. It is shown that in the structures based on liberal principles it occupies an organic place in modern complex social structures. This statement is based on the specific forms of collectivism characteristic of such societies – collectivism “from below”. In this case, the initiative to create a variety of communities – from modern networks that easily cross state borders in a globalizing world to various kinds of business associations, as well as volunteer and charitable structures – usually belongs to individuals or groups of like-minded people. Often one of the forms of their activity is the support of people in difficult life situations, as well as representatives of a number of spheres of activity, without which society cannot develop normally, but their specificity does not require immediate financial return (as, for example, fundamental science and most arts). At the same time, paternalism is traditionally associated with forms of state care based on collectivism “from above”. Without denying the importance of the paternalistic functions of the state, one cannot help but see that with the domination of archaic institutional forms in it, such as the established system of “power-property” in Russia, and the very forms of paternalism in such a society cannot overcome their archaic character. In addition, the guardians of the archaic institutional structure themselves strengthen the tools of archaic paternalism as an important instrument for maintaining its stability. However, such a position leads to the atomization of society and to going into the “shade” of communities based on collectivism “from below”. This, in turn, is fraught with unexpected social outbursts that could destroy the archaic institutional system thus protected. As a whole, the institutional evolution of forms of paternalism is derived from the general institutional evolution of society.

Keywords: *paternalism, individualism, positive individualism, collectivism “from above”, collectivism “from below”, “power-property”, archaic, modernization “from below”.*

JEL Classification: A13, D7, H1, H4, N4, O1.

REFERENCES

- Belanovskiy S.A., Dmitriev M.E., Nikolskaya A.V. (2019). Priznaki fundamentalnih sdvigo v massovom soznanii rossiyan [Signs of fundamental shifts in the mass consciousness of Russians] // *Obschestvennie nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. № 1. Pp. 5–18.
- Busigina I.M., Filippov M.G. (2012) *Politicheskaya modernizatsiya gosudarstva v Rossii: neobkhodimost', napravleniya, izderzhki, riski* [Political Modernization of the State in Russia: Necessity, Directions, Costs, Risks], M.: Fond «Liberal'naya missiya».
- Chubarova T.V. (2017). Paternalizm v sovremennom obschestve: ot produktivih kartochek do bezuslovnogo dohoda [Paternalism in modern society: from grocery cards to unconditional income] // *Obschestvennie nauki i sovremennost'*. [Social sciences and contemporary world]. No. 6. Pp. 43–54.
- Diligenskiy G.G. (1997). Rossiyskie arhetipi i sovremennost' [Russian archetypes and modernity] // *Kuda idet Rossiya?.. Obschee i osobennoe v sovremennom razvitii / Pod obschey redakciey T.I. Zaslavskoy* [Where is Russia going?.. General and particular in modern development. Under the general editorship of T.I. Zaslavskaya]. M.: MVSHSiEN; Intercentr. Pp. 273–279.
- Fridman M. (2006). *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and freedom]. M.: Novoe izdatelstvo.
- Gorodeckiy A.E., Rubinshteyn A. YA. (2017). *Nekotore aspekti ekonomicheskoy teorii gosudarstva* [Some aspects of the economic theory of the state]. M.: IE RAS.
- Greif A. (2015). *Instituty i put' k sovremennoj ekonomike. Uroki srednevekovoj trgovli* [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]. M.: HSE.
- Gudkov L. (2018). *Raznie modernizacii* [Various upgrades]. www.inliberty.ru/articl/modern-gudkov.
- Harrison L. (2014). *Evrei, konfucianci i protestanti. Kulturniy kapital i konec multikulturalizma* [Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. M.: Misl'.
- Il'in A.N. (2015). *Socialnaya atomizatsiya i oslablenie politicheskoy aktivnosti v usloviyah konsyumerizma* [Social atomization and weakening of political activity in conditions of consumerism] // *Znanie. Ponimanie, Umenie*. [Knowledge. Understanding, Skill]. № 5. www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomization-Consumerism.

- Latov Yu.V., Nureev R.M.* (2018). Razvilki razvitiya rossiyskoy vlasti-sobstvennosti v vek-volkodav 1917–2017 gg. [The fork of the development of Russian power-property in the “century-wolfhound” 1917–2017] // Rossiya 1917–2017: Evropeyskaya modernizaciya ili osobiy put? [Russia 1917–2017: European modernization or a special way?]. SPb.: Leontevskiy centr. Pp. 28–45.
- Leiphart A.* (1997). Demokratiya v mnogostavnih obschestvah. Sravnitelnoe issledovanie [Democracy in multicompound societies. Comparative study]. M.: Aspekt-Press.
- Magun V.* (2018). V krugu lichnoy effektivnosti. Razgosudarstvenie postsovetskogo cheloveka [In the circle of “personal effectiveness.” The denationalization of the post-Soviet person]. www.inliberty.ru/articl/modern-magun.
- Obolonskiy A.V.* (2016). Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni [Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life]. M.: Misl’.
- Obshchestvennoe mnenie-2016. Ezhegodnik [Public Opinion-2016. Yearbook] (2017). M.: Levada-Centre.
- Paneyah E.* (2018). Otmiranie gosudarstva. Rossiyskoe obschestvo mezhdru postmodernom i arhaikoy [Dying away of the state. Russian society between postmodern and archaic]. www.inliberty.ru/articl/modern-paneyakh.
- Pliskevich N.M.* (2018). Arhaichniy paternalizm kak organicheskaya chast sistemi vlast-sobstvennost [Archaic paternalism as an organic part of the “power-property” system] // Obschestvennie nauki i sovremennost’ [Social sciences and contemporary world]. No. 1. Pp. 17–32.
- Pliskevich N.M.* (2016). “Path dependence” i problemi modernizatsii mobilizatsionnogo tipa [“Path Dependence” and the Problems of Mobilizing Modernization]. Mir Rossii [Universe of Russia]. No 2. Pp. 123–143.
- Polterovich V.M.* (2007). Elementy teorii reform [Elements of the Reform Theory]. M.: Ekonomika.
- Polterovich V.M.* (2018). K obschey teorii socialno-ekonomicheskogo razvitiya. Chast` 2. Evolyuciya mekhanizmov koordinatsii [To the general theory of socio-economic development. Part 2. The Evolution of Coordination Mechanisms] // Voprosi ekonomiki [Economic issues]. No. 12. Pp. 77–102.
- Rogov K.* (2018). Slon i kit rossiyskoy socialnosti. Rabotaet li teoriya modernizatsii v mire, Kitae i Rossii [The elephant and the whale of the Russian sociality. Does the theory of modernization work in the world, China and Russia]. www.inliberty.ru/articl/modern-rogov.
- Rubinshteyn A.Y.* (2016). Socialniy liberalizm i konsociativniy paternalizm [Social Liberalism and contemporary world] // Obschestvennie nauki i sovremennost’ [Social sciences and contemporary world]. No. 2. Pp. 5–38.
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A.* (eds.) (2016). Nova li novaya Rossiya? [Is New Russia New?]. M.: Universitetskaya kniga.
- Volkenshteyn M.* (2018). Raznoobrazie i prisposoblennost [Diversity and adaptability]. www.inliberty.ru/articl/modern-volkenstein.
- Welzel K.* (2017). Rozhdenie svobodi [Freedom Rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation] M.: AO “VCIOM”.
- Udin G.* (2018). V Rossii gospodstvuet agressivniy individualizm [In Russia, aggressive individualism prevails]. philologist.livjournal.com/10644752.
- Harrison L.E.* (2013). Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Hellman J.* (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No 2. Pp. 203–234.